

Райли устроил засаду на Каттера, покуда они пробирались по грязи, вытаскивая плот на берег. Он вонзил полтора фута тупой стали в бок своего напарника, пока его руки были заняты веревкой.

Последовавшая затем борьба была недолгой, и к тому времени, когда Райли закончил потрошить Каттера, словно рыбу, у того едва хватило сил вскрикнуть от боли. Все, что он мог делать, это кашлять кровью и лежать в грязи, пытаясь удержать свои внутренности. У него даже не было сил остановить Райли, рывшегося в его карманах в поисках карты и всего остального, что могло быть при нем.

" На двоих делить это хорошо, но на одного лучше, не так ли, приятель?" спросил Райли, улыбаясь своей гнилой улыбкой, глядя, как кровь Каттера льется в болотную воду, а окружающий мир становится черным.

Это должен был быть конец для бедного старого Каттера. Плохой конец для плохого человека. Но это было не так.

Даже будучи мертвым, дух Каттера стоял над своим трупом и смотрел, как его напарник уродует его тело, чтобы заработать еще несколько монет. Он не мог ничего сделать, чтобы остановить это, в то время как Райли заламывал пальцы, чтобы снять с него кольца, а затем несколько раз ударил его по лицу рукоятью своего клинка, чтобы вырвать два золотых зуба.

Райли не проявил никакой мягкости, когда дело дошло до избавления от тела Каттера. Он просто набил дыру в его кишках камнями, а затем затащил его в воду на глубину трех футов и позволил ему погрузиться в глубокую грязь болота, где его больше никто никогда не увидит.

Каттер, конечно, мог бы сделать то же самое: не трать, не желай и все такое. Однако у него хватило бы здравого смысла подождать, пока они вытащат золото из болота и спустят вниз по

реке. Убивать кого бы то ни было до того, как ты получил товар, было самым глупым поступком для вора вроде Райли, но это не помешало ему сделать это в любом случае.

Воспоминания Каттера не прервались даже после того, как его глаза навсегда ослепли, а легкие наполнились водой. После этого все продолжалось в том же духе. Каттер даже улыбнулся, увидев, как на лице этого проныры расцвело выражение ужаса, когда он открыл пропитанную кровью карту сокровищ и обнаружил, что она безнадежно испорчена. Это воспоминание останется в памяти навсегда, даже после того, как имена и подробности всего остального растворятся в мутной воде. Даже после того, как карп и раки с каждым днем все больше превращали его из пиршества в скелет, он никогда не забудет тот момент восторга.

В тот день Райли все еще продолжал копать в поисках сокровищ, как они и планировали сделать вместе. Он подобрался близко. Болезненно близко. Он нашел следы чего-то зарытого и откопал пустой сундук, который Каттер положил туда в качестве приманки. Выражение разочарования, появившееся на лице Райли, когда он открыл его, было грандиозным, но не настолько приятным, как последовавшая за этим ярость.

Внезапно мужчина взорвался яростными приступами, которые не прекращались до тех пор, пока он не сломал лопату и не стал бить деревянный сундук, выкрикивая непристойности. Если бы он копнул на два фута дальше, то нашел бы мешки со старыми имперскими монетами и захоронениями, украденными у авантюристов, но он этого не сделал. Ублюдок остановился совсем недалеко от финишной черты.

Он ушел в тот день с пустыми руками, в поисках новой лопаты и лучшего плана.

Если бы он ушел с золотом, Райли переправил бы его в какой-нибудь город, где он мог бы несколько лет жить как король, а отголоски того напарника, которого он оставил разлагаться в болоте, совсем бы исчезли. Каттер уплыл бы в вечность, где его ждала бы вечная награда для головорезов и самоуверенных людей.

Однако все произошло иначе. Райли покинул болото, не имея ничего, кроме окровавленных рук и пары золотых зубов за свои неприятности. Он пытался украсть все, но не получил почти ничего. Эта мысль не давала покоя призраку Каттера, греющемуся в страданиях убийцы и всех тех, кто пришел за его сокровищами.

После этого все стало еще более беспорядочным. Дни и ночи сливались воедино. Каттер винил в этом туман, стоя в своем одиноком бдении и цепляясь за горечь предательства, как за иглу компаса. Если уж он не смог потратить эти блестящие деньги на вино и женщин, то никто другой и подавно. Через несколько недель он перестал быть человеком или даже воспоминанием о человеке. Он был слишком рассеянным для этого. Он был горсткой воспоминаний, смешанных с жаждой мести, которая медленно распространялась среди водоемов болота, вытекая наружу, как яд.

Сначала он прилип к месту своей смерти, но по мере того, как его кровь уносилась наружу, а жуки, питавшиеся его плотью, забредали все дальше, сфера его влияния расширялась. К тому времени, когда он смог добраться до сокровищ, которые он так тщательно зарыл глубоко в грязи, он едва мог вспомнить, как они вообще украли все это золото. Он знал, что они украли его у авантюристов, выкравших золото из древнего склепа, и что он установил тупиковое бревно, чтобы Райли мог протаранить его и потопить их лодку по пути вверх по реке. Однако он не мог вспомнить, как ему удалось затащить эти бочки так глубоко в болото. Несколько дней спустя он уже не мог вспомнить и этого. Да это и не имело значения. Он больше не был призраком. Он был туманом - туманом жадности, который никому не позволил бы забрать то, за что он так жестоко погиб.

Единственным, что поддерживало время духа, было то, что Райли возвращался снова и снова. Он месяцами безуспешно копал и искал на болотистом островке за блошиным песчаным валом. Из дня в день он пробирался через болото, выкапывая новые ямы там, где старые заполнялись и исчезали.

Денег было столько, что он с трудом смог бы потратить их за всю жизнь, поэтому их стоило найти, даже если на это уйдет полжизни. Любой человек поступил бы так же. Каждый день Райли искал его, и каждый день дух Каттера подпитывал растущую в нем тьму. Каждый раз, когда он в ярости заглядывал в очередную пустую дыру, сокровище опускалось чуть ниже в землю - навсегда вне его досягаемости. Именно эти вспышки подпитывали тень его партнера. Он не мог делать ничего, кроме как существовать и ненавидеть. Он не мог защитить сокровища или призвать приспешников, чтобы те сделали это за него. Он мог только наблюдать и питаться разочарованием того, кто искал.

Убийца обращался к прорицателям и арканистам. Иногда он возвращался с маленькими игрушками, такими как измерительные жезлы и чары, которые ничего не делали. Иногда он даже приводил с собой магов живых зарослей. Мошенники целыми днями водили бастарда кругами, а те, у кого был настоящий дар, находили в этих мутных водах лишь растущую

злокачественность и почти сразу уходили, чтобы больше никогда не возвращаться. Они чувствовали, что свет исчезает из этого места так же верно, как цапли, прекратившие гнездиться здесь в течение года после предательства. Темные воды и глубокие камыши все еще были полны жизни, но эта жизнь менялась. Утки и журавли предпочитали приземляться в других болотах вдоль реки, но вместо них все чаще встречались болотные китоглавы и кровососы. Все животные чувствовали то, чего не мог почувствовать Райли.

Убийца ничего не замечал. Вместо того чтобы бежать от гноящейся тьмы, он построил себе убежище на вершине единственного места, где, как он был уверен, сокровищ не было: пустого сундука. Лачуга представляла собой ужасное подобие хижины - просто палки, прибитые к палкам, чтобы было где спать. Пол был на фут выше уровня воды, а крыша из соломы была достаточно прочной, чтобы не пропускать дождь. В центре шалаша лежал большой плоский камень, достаточно большой, чтобы развести небольшой костер и не спалить все вокруг. Это был знак того, что он исчерпал свои скудные сбережения, оставшись в ближайшей деревне, но не то чтобы тень это волновало. Его волновало лишь то, что вместо того, чтобы питаться своим убийцей несколько часов подряд, он мог делать это весь день напролет. После этого все стало более ярким.

Убийца мог тратить только половину своего времени на поиски сокровищ, потому что другую половину он должен был тратить на охоту или рыбалку, чтобы добыть пищу, но это только ухудшало его положение. Чем больше он ел из болота, тем больше становился его частью. Тень теперь могла коснуться его. Она могла просунуть свои пальцы глубоко в извращенный ум человека и раздуть пламя жадности, чтобы он никогда не сдавался. Со временем болото обнаружило, что возможны и новые виды мучений. Оно могло не просто заставить его остаться - оно могло заставить его страдать. Эти мучения превратили струйку жизненной силы, которую он выкачивал из своего предателя, в поток.

Сны были самым простым способом причинить боль тому, кто был достаточно глуп, чтобы поселиться в их глубинах. Тень могла вторгнуться в сны убийцы в те ночи, когда его защита была самой низкой, и заставить его вспомнить, что он сделал. Болото уже не помнило этих подробностей, но его убийца помнил.

Чаще всего он помнил только разочарованный взгляд убийцы, осознавшего, что карта была размазана до неразборчивости кровью его напарника. Однако, находясь в голове своего убийцы, он мог вспомнить и другие вещи. Он мог вспомнить, каково это - иметь имя и руки. Он мог вспомнить, что чувствовал бы его оживший труп, держа голову Райли под солоноватой водой, пока не прекратились бы пузырьки. Он мог научить убийцу и кое-чему другому. Он мог научить его, каково это - быть пожираемым обитателями болота по одному крошечному кусочку за раз. Эти сны почти всегда вознаграждались криками, которыми убийца разражался после своих кошмаров.

Однако настоящий кошмар был вокруг него, и из-за этого сокровища он не мог уйти. Так, день за днем, он погружался все дальше в грязь и безумие, и кормил то, что все это время хотел оставить погребенным.

После снов пришли болезни. Это была более трудная вещь, которая требовала от болота работы через насекомых и испорченную пищу, потому что у него не было собственных рук. Все, что у него было, это желание заставить убийцу страдать, и лучшим средством для этого оказалась болезнь.

Первые лихорадки прилетели на крошечных крылышках. Малярия. Болотная лихорадка. Серая горячка. Больше года убийце удавалось избегать всех этих болезней, но в течение месяца его заразили всеми тремя, причем сразу. После этого болото позволило ему оправиться от смерти ровно настолько, чтобы не убить его, прежде чем за ним последовали лямблия и "кишки гоблина". С тех пор каждый день был адом, а каждая ночь - еще хуже. Не только потому, что он не мог ничего есть, но и потому, что был слишком болен, чтобы охотиться за сокровищами болота, и это разъедало его так же сильно, как и болезни. Любой здравомыслящий человек уже ушел бы отсюда, но в болоте Каттера не было здравомыслия. Здесь были только мертвые и обреченные.